

Живопись от сердца

Неординарным событием оказалось открытие первой персональной выставки картин 72-летнего художника-самоучки Владимира Фёдоровича Миронова в Ульяновском областном музее народного творчества. Его живопись с уверенностью можно отнести к наивному направлению в изобразительном искусстве. Такие художники берут в руки кисть по велению своего сердца. Обычно – после выхода на пенсию, когда появляется больше свободного времени. Не имеющие специального образования, они рисуют так, как подсказывают им их чувства. Ещё лет 20-25 назад творчество «наивных» в нашей стране считалось маргинальным. Сейчас оно прочно обосновалось в сердцах зрителей и в музейных залах.

Кажется, что все такие художники уже взяты искусствоведами на заметку. Но время от времени появляются новые имена, и к их числу вполне можно причислить Владимира Фёдоровича Миронова. Открытием этот автор стал не только для Ульяновска. Творчество художника стало известно в Музее наивного искусства в Москве, в коллекцию которого вошла одна из его картин.

Миронов – программист и учитель физики по образованию – на протяжении жизни пробовал себя в разных сферах деятельности. На машиностроительном заводе работал наладчиком узлов ЭВМ, преподавал в электромеханическом техникуме, занимался конструированием в проектно-конструкторском бюро автоматизированных систем управления. Был даже грузчиком и охранником.

Он рисует со школьных лет. Любил копировать портреты великих учёных из учебника физики. В пионерском лагере выиграл в конкурсе рисунков: его тропические «кущи» понравились педагогам. Потом пошли стенгазеты – рисовал сатирические шаржи на двоичников. До армии и после занимался оформительскими работами. И всё же профессиональным художником Владимир Фёдорович не стал: так уж судьба распорядилась.

Когда в семье подросли дети, городская квартира Мироновых начала превращаться в мастерскую художника. Выросший в большой деревенской семье, Владимир Фёдорович, преисполненный почтением к предкам, создал первым делом живописную галерею родственников. Покрывал картонки тканью и рисовал портреты с фотографий: деды, родители, три сестры, брат, их дети и свои двое. Так на стенах

квартиры «выросло» генеалогическое древо Мироновых.

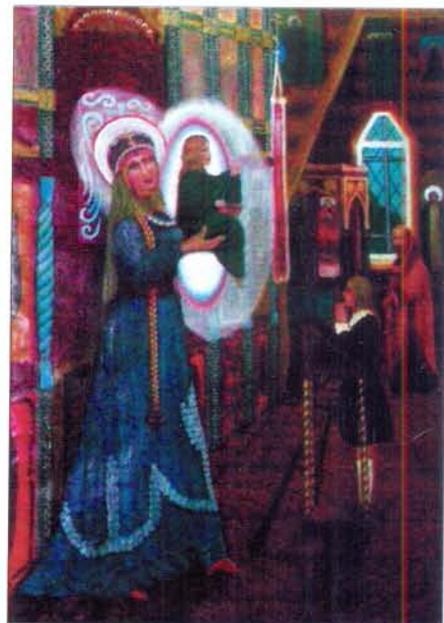
– Маслом, – признаётся художник, – я начал писать не сразу. Первые мои упражнения – копии с картин великих мастеров – тех, которых люблю. И обязательно – с участием женщин: «Юдифь» Джорджоне, «Спасение Арсиной» Тинторетто, «Мадонна пред Распятием» Энгра, «Мадонны» Да Винчи...

Интересно, что готовые работы Владимир Фёдорович выносил на лестничную площадку, чтобы не загромождать квартиру, и соседи их разбирали. Значит – нравились.

Период самостоятельного творчества Миронова пришёлся на 1990-е годы. Зрелый возраст стал для него временем размышлений на темы философско-религиозные и исторические. Работая над ними, он ощущал некие «подсказки» извне. «Поэтому не хочу всё мною написанное целиком взять на себя», – замечает Владимир Фёдорович.

Выставку под названием «Россиянка. XX век» в Ульяновском музее народного творчества художник посвятил русской женщине. Он объясняет: «Я видел, что прошедший век оказался необыкновенно тяжёлым для всего мира, особенно для России, а в России – особенно для женщин. Они приняли на себя большую часть трудностей и лишений. Да и вообще, как мужчина я женщин люблю, поэтому они – мои главные героини. Хотел таким образом поблагодарить их за труды тяжкие, за доброту и любовь к детям».

Картины Владимира Фёдоровича то погружают зрителя в полутьму крестьянской избы, то ослепляют белым снегом с синими от солнца тенями, то полыхают оттенками неземного лазоревого или тёмно-красного цвета. Лица

Владимир Миронов.
Пожертвование Богородицы

и фигуры людей выведены будто рукой ребёнка, часто нет перспективы, однако этот примитивизм в изображении не мешает зрителю воспринимать полотна чувствами и умом.

Часть работ навеяна воспоминаниями о деревенском детстве в селе Андреевка Чердаклинского района Ульяновской области. Они несут в себе приметы XX века и нередко имеют этнографическое значение.

Счастьем, домашним теплом веет от картины «Пряха»: в крестьянской избе полногрудая молодая женщина, оставив прялку, склонилась над младенцем в зыбке. Она устала от дневных трудов и находится в полусне. Золотятся от закатного солнечного света печки – русская и голландка. Сушатся на верёвочке пелёнки, а в печурке –

варежки. Играет с валенками котёнок. Бабушка дремлет на печке...

– Специально постарался нарисовать здесь как можно больше предметов, которые были типичны в домах моих родителей, тётушки, – комментирует автор. – Это ушедший в прошлое сельский быт. В другой картине – «В чулане» – у меня даже есть мутовка. Этот редкий предмет теперь мало кто помнит, мутовка – предшественница миксера – делалась из ствола молодой сосёнки. От ветвей отрезались концы, оставались черешки. Мувку употребляли для приготовления горохового пюре.

Иные впечатления детства стали темой картины «Похоронка». Беда буквально ощущается кожей, когда смотришь на неё: в тёмных стенах избы с мрачными тенями от керосиновой лампы, иконой в углу тяжким невидимым грузом придавлены три фигуры за столом. Это мать, читающая письмо со страшной вестью с войны и не верящая написанному, жест бабушки, закрывшей лицо ладонями, девочка, в волнении прижимающая к груди самодельную куклу...

– В войну я был мальчишкой, и многое сам понимал, а что-то по рассказам узнавал, – говорит Владимир Фёдорович. – Например, что почтальонка сразу все письма раздаст, но похоронку носит до вечера. Поэтому на картине изображён вечер, даже ночь. Вволю

поплакать можно только в это время. А утром надо было идти ковырять землю. Ещё мне хотелось подчеркнуть, что та проклятая война затронула три поколения: бабушка, мать, девочка...

Маленькие, часто полные драматизма истории заключены почти в каждой его работе. Вот полотно «Мясоед – пора свадеб»: в сиянии солнца и снега с синими тенями тройка с бубенцами стремительно мчит в санях парочку – только домики мимо мелькают. По словам автора, это новобрачные едут после венчания. Но молодая жена на картине на мужа не глядит – отвернулась, и сам он, кажется, растерян. Что же случилось?

– Новобрачному не по себе, – поясняет автор, – потому что его бывшая зазноба на обочине дороги вместе с зеваками стоит и глаз не отрывает от пролетающего мимо неё счастья. Юная девушка любила этого парня, и он ухаживал за ней, даже был влюблён. Но – «красивая и смелая дорогу перешла». Вот любимая и прощается молча с ним. А в молодой жене вспыхнула ревность, но теперь у неё появилась власть, которую она спешит употребить – отвернулась от супруга и сама натягивает тулуп себе на грудь.

В этой фантазии Миронова, стремившегося запечатлеть колорит и приметы ушедшей крестьянской эпохи, немало реалистических деталей. Лошади несутся галопом мимо знакомой

Всехсвятской церкви, которая стоит в Ульяновске. Кстати, сам художник в ней часто бывает. Барский, но довольно скромный дом – из рассказов его бабушки. «Скромный потому, – сочиняет он, – что барыня пожелала, чтобы после постройки её дома остались деньги и на храм». Лавки, домик приказчика и другие здания напоминают о старом Симбирске.

С распадом СССР и последующими событиями Миронов, как и многие интеллигенты, не мог не задумываться о том, почему всё случилось так, а не иначе. Его собственная версия причин и следствий представлена в художественном воплощении в триптихе. Картина «Конец династии» изображает Дом Романовых в образе прикованной цепями к столбу женщины с упавшей короной, окружённой пламенем огромного пожара. Воздаяние за содеянное мы уже получили, а последующие покаяние и возрождение страны и народа, убеждён художник, возможно посредством православной веры. Потому у него на другом полотне сама Богородица-Заступница помогает России в образе крестьянской женщины вымолить прощение у Господа – за невинно убиенных, за порушенные храмы. Завершается триптих благословением России Божией Матерью – на грядущие свершения во имя Добра и Любви.

Сам он искренно верит, что такое чудо возможно, и даже пытается «срежиссировать» его. На одной из его картин Богородица с младенцем на руках, сойдя с иконы, является молящейся в храме девочке. Царица небесная как бы передаёт ей свой бесценный дар Веры, Надежды, Любви, который та, чистая душой, вскоре понесёт по жизни, делаясь им со всем миром...

На открытии выставки творчество Миронова оценили профессионалы. Заслуженный художник России Борис Склярук отметил, что во всех картинах присутствует трепет души их создателя, его неравнодушие к окружающему миру. Он видит жизнь по-своему и воплощает её на своих полотнах, ни на кого не оглядываясь. А художник Людмила Слесарская призналась, что у неё пошли мурашки по телу, когда она посмотрела работы Владимира Фёдоровича. Её поразило его глубинное понимание нашей истории.

Заведующая музеем народного творчества Маргарита Смирнова назвала Владимира Фёдоровича самобытным явлением современного наивного искусства.

Ирина Морозова

Владимир Миронов. Мясоед – пора свадеб

